

Глава 44

Настал день гаокао.

Цзян Нин получил сообщение от Лу Чжиханя.

[Большой простофиля: Не нервничай, просто выложишься как обычно. Я в тебя верю.]

**[Большой простофиля: Погладил по голове.jpg]

Цзян Нин долгим взглядом смотрел на стикер, а затем отпечатал краткое «Понял» и, собрав вещи, переступил порог экзаменационной аудитории.

Три дня испытаний пролетели как мгновение. Когда Цзян Нин вернулся в привычный класс, вокруг вихрем кружились исписанные черновики и бланки — словно разноцветный серпантин на финале праздника.

— Ребята, поздравляю, вы справились с этой тяжелейшей задачей, — произнёс учитель Сю Гошэн, обводя учеников тёплым взглядом. — Независимо от результатов, каждый из вас — настоящий победитель.

Цзян Нин за последней партой молча складывал свои пожитки. Исписанные за год тестовые бланки заняли два огромных пластиковых контейнера — их оказалось так много, что он сам на мгновение изумился.

Он закрыл крышку, собираясь снести коробки вниз.

— Цзян Нин, вечером мы устраиваем классную вечеринку, тут неподалёку, — перебил его мысли Ло Цзяньань. Почуввав, что тот собирается отказаться, спорторг торопливо добавил: — Пожалуйста, Цзян Нин! Это ведь в последний раз. Давайте соберёмся всем классом.

Цзян Нин обвёл взглядом знакомые лица. Пусть в этот класс он попал не по своей воле, за столь долгий срок он стал неотъемлемой частью третьего класса.

— Хорошо, я приду.

Ло Цзяньань облегчённо вздохнул:

— Адрес и время скину в общий чат, обязательно загляни!

Цзян Нин коротко уронил «угу» и подхватил коробки. Чжан Фань и Чжао Цзыцян тут же

прискочили на помощь.

— Босс, — поинтересовался Чжао Цзыцянь, подпирая коробку сбоку, — в какой вуз думаешь подавать документы?

— В Медицинский колледж Линьцзяна.

— В медицину?

— Угу. Врачи спасают людей. Благородное дело.

Перетащив все пожитки на виллу, Цзян Нин замер перед стеной в гостиной. На прежде пустом простенке теперь не оставалось свободного места — всё пестрело грамотами и дипломами, которые он завоевал за этот год.

Он постоял перед ними, а затем поднялся к себе, сбросил сине-белую форму Первой средней школы Линьцзяна, принял душ и переоделся в привычную одежду.

Широкая чёрная футболка без принтов, свободные спортивные штаны. Сидя на краю кровати, Цзян Нин одной рукой ерошил влажные после душа волосы, а второй разблокировал экран телефона.

Закреплённый диалог вверху списка молчал уже несколько часов. Последнее сообщение отправлял он сам:

[Я закончил сдавать. Вроде написал неплохо. Вечером иду на встречу с классом.]

[Карточка контакта с адресом]**

Выйдя из диалога, Цзян Нин заглянул в школьный чат, где набралось больше сотни сообщений. Ученики вовсю выкладывали фотографии — большинство уже собрались в KTV.

Найдя нужный адрес, он отправился по указанному маршруту.

Стоило ему толкнуть дверь караоке-зала, как царивший внутри гвалт на секунду стих. Десятки глаз устремились на вошедшего.

Высокий, с точёными чертами лица, Цзян Нин привлекал внимание, даже одевшись в самые простые вещи. А уж после того, как его оценки совершили невероятный рывок наверх, он и

вовсе превратился в ключевую фигуру класса.

— Сюда, сюда! — Ло Цзяньань с размахом уступил ему лучшее место в центре дивана. — Едва уговорил нашего гения прийти!

Цзян Нин опустился на мягкие подушки, слушая, как одноклассники поют всё подряд — от свежих поп-хитов до раздирающей душу «Навсегда вместе». Его взгляд зацепился за запотевшую банку пива на столе.

Рядом резались в кости на вылет: проигравший осушал бокал.

Раньше Цзян Нин обожал подобные забавы.

Вот только с некоторых пор даже не прикасался к ним.

Он вытащил смартфон и в очередной раз открыл сохранённые маршруты авиаперелётов. Подавив непреодолимый соблазн нажать на кнопку покупку билета, Цзян Нин сунул гаджет обратно в карман.

Подхватив баночку ледяного пива, он зацепил пальцем кольцо и с лёгким щелчком вскрыл жестянку. Этот тихий звук заставил азартно подбрасывающих кости ребят обернуться.

Кто-то из парней, хмелея, набрался смелости:

— Нин-гэ, ну что ты один сидишь? Давай с нами!

Мигающие лучи светомузыки скользили по его лицу, окутывая Цзян Нина загадочной тенью. К общему удивлению, он спокойно кивнул:

— Погнали.

Прошло полчаса.

За столом сменилось уже несколько составов игроков, а Цзян Нину так и не пришлось выпить ни единой штрафной стопки.

— Нин-гэ, ты монстр!

— Всё, пас! С тобой играть — только печень сажать!

Цзян Нин допил ту самую единственную баночку и, чувствуя лёгкое, едва заметное хмельное тепло, поднялся, чтобы отыскать уборную.

Вымыв руки и переступив порог коридора, он услышал до боли знакомый голос. Впрочем, собеседник заметил его первым.

— Цзян Нин! — Цзян Хунчжи при виде пасынка сначала испуганно отшатнулся, но, вспомнить что-то, вдруг злорадно ухмыльнулся: — А я и забыл! Лу Чжихань умотал за границу и ни разу тебя не проведаль! Неужто списал тебя со счетов? Нашёл себе кого помладше да посвежее?

Цзян Нин даже не удостоил его взглядом, намереваясь пройти мимо.

Эта высокомерная невозмутимость мгновенно разжгла спесь Цзян Хунчжи. Он с силой цапнул парня за плечо. Кабы не этот проклятый щегол, разве его компания вылетела бы в трубу?! Разве пришлось бы ему на старости лет унижаться и возвращаться в контору собственного отца?!

Цзян Нин стяхнул его руку, процедив сквозь зубы:

— Не нарывайся. Я сегодня не в духе.

— Ишь ты! — хохотнул Цзян Хунчжи, подстёгнутый алкоголем, и потянулся к ремню на брюках. — Давненько я тебя не учил уму-разуму. Забыл, видать, как отцовская плеть гуляет?

Цзян Нин лишь цыкнул языком.

Покрутил кистями рук — суставы отозвались сухим, отчётливым треском.

Раз уж сам напросился стать грушей для битья — глупо отказываться от такого подарка.

Задний двор KTV утопал в полумраке узкого переулочка. Цзян Нин неторопливо оправил помятую футболку. Рядом с переполненным мусорным баком стенал избитый до полусмерти, разукрашенный кровоподтёками Цзян Хунчжи.

Размяв сбитые кулаки, Цзян Нин не стал возвращаться к одноклассникам, а решил пройти через подворотню на главную улицу и поймать такси.

И вдруг на парковочном месте у тротуара он увидел знакомый до мельчайших деталей белый дом на колёсах.

С тех пор как Лу Чжихань улетел из страны, эта машина ни разу не выезжала из гаража.

Расстояние мешало разглядеть номерной знак, но ноги Цзян Нина сами собой ускорили шаг.

В тот же миг в кармане зазудел телефон. Цзян Нин выхватил его и нажал на клавишу ответа.

— Цзян Нин...

Родной, врезающийся прямо в сердце голос зазвучал у самого уха, в мгновение ока сменя месяцы разлуки. Прежде чем Лу Чжихань успел добавить хоть слово, он услышал в трубке рваное, учащённое дыхание юноши:

— Ты вернулся?!

Лу Чжихань поднял голову и через лобовое стекло увидел фигуру, стоящую неподалёку.

Мальчишка из его воспоминаний заметно изменился. Время заострило черты лица, сделало линию подбородка чеканной и строгой.

Лу Чжихань толкнул дверцу автомобиля.

Заметив, что Лу Чжихань опять спускается на инвалидной коляске, Цзян Нин на секунду запнулся, но тут же рванул вперёд. Не обращая внимания на редких прохожих, он опустился на колени и крепко, отчаянно зарылся носом в его шею.

Знакомый тонкий аромат лаванды и орхидеи ударил в ноздри, окончательно развеяв сомнения — это не сон. Голос Цзян Нина хрипел от нахлынувшей, едва сдерживаемой бури:

— Наконец-то ты вернулся...

Тяжёлое, горячее дыхание выдавало его с головой. А затем на воротник Лу Чжиханя упала влажная капля.

Мужчина на мгновение опешил, а потом мягко положил ладонь на широкую спину юноши, баюкая его:

— Ну тише. Не плачь.

— Кто плачет?! — Цзян Нин сопел ему в шею, прорывав с нескрываемой угрозой: — Ещё бы пару дней — и я бы сам купил билет!

Лу Чжихань тихо усмехнулся:

— Теперь не нужно никуда лететь. Я сам пришёл к тебе.

Эта тёплая, умиротворяющая улыбка... Он, как и прежде, прощал Цзян Нину любые капризы и вспышки гнева. Натиск внешней суровости и фальшивый лоск, за которыми Цзян Нин так долго прятал свою уязвимость, рушились без остатка.

Ладонь Лу Чжиханя мерно поглаживала его по лопаткам, изгоняя въевшуюся в душу тревогу.

— Вечеринка окончена? Поедем домой?

Цзян Нин забрался в салон автодома, в котором не был целую вечность. Время будто повернуло вспять, затопив душу давним уютом.

Они вернулись на виллу. Большой дом, долгое время встречавший Цзян Нина мраком и пустотой, словно затеплился жизнью.

Едва ступив за порог, Лу Чжихань замер перед «стеной славы», разглядывая ряды дипломов, и тихо, мягко рассмеялся:

— Сам вешал?

Уши Цзян Нина мгновенно вспыхнули. Вспомнив, как он сопел и карабкался на табуретку ради каждой бумажки, он буркнул с наигранным раздражением:

— Чего смеёшься? Сам же хотел видеть! Вот и смотри теперь, хоть обсмотришься.

Лу Чжихань коснулся пальцами горячего кончика его уха:

— Я не смеюсь. Я правда растроган. Учитель Сю и директор Сунь говорили, что ты учился как безумный и занял первое место на третьем пробном.

— Третий пробный был лёгким. Просто повезло.

— Вот как? — Лу Чжихань посмотрел ему прямо в глаза. — И у тебя совсем нет ко мне вопросов?

Были.

Слишком много вопросов скопилось за эти месяцы.

Взор Цзян Нина скользнул к его ногам, скрытым штанинами.

Лу Чжихань обладал невероятной выдержкой, но эти недееспособные ноги всегда оставались его самой глубокой раной.

Цзян Нин заговорил совсем тихо, словно боясь разбить хрупкое стекло:

— Ноги... Есть улучшения?

Пока Лу Чжихань находился за границей, Цзян Нин ни разу не спросил о результатах лечения. Не потому, что ему было всё равно — он просто боялся давить на него.

Каким бы ни был Лу Чжихань, для Цзян Нина он оставался единственным и неповторимым. Неспособность ходить не могла лишить его внутреннего света.

И если Лу Чжихань так и не сможет встать — Цзян Нин станет его ногами.

— Цзян Нин, помоги мне.

Цзян Нин откликнулся без промедления и по привычке подался вперёд, собираясь подхватить его под мышки и поднять из кресла.

Однако Лу Чжихань остановил его движение:

— Не надо. Просто дай мне руки.

Цзян Нин не понял, чего тот хочет, но послушно протянул ладони.

Длинные, подобные изысканному нефриту пальцы Лу Чжиханя впились в его кисти. От напряжения на тыльной стороне ладоней мужчины вздулись бледные вены.

Опираясь на подлокотники и сжимая руки юноши, Лу Чжихань медленно, сантиметр за сантиметром, начал распрямлять корпус.

Движения давались с трудом.

Действие, занимающее у любого человека секунду, потребовало почти полминуты сумасшедшего напряжения.

Цзян Нин застыл, словно поражённый громом. Его узкие глаза округлились, а губы приоткрылись, но из горла не вырвалось ни звука.

Он не верил собственным глазам.

Видя Лу Чжиханя в коляске у машины, Цзян Нин уже приготовился к худшему: пусть эта попытка провалилась, будут другие...

Лу Чжихань сделал неуверенный, шаткий шаг, затем второй. Ноги дрожали. Пройдя от силы пару метров, он сбился с дыхания.

Прежде чем силы окончательно оставили его, Цзян Нин рванулся вперёд и подхватил его в охапку, не дав упасть.

Они замерли, прижавшись грудь к груди. Два сердца колотились в едином безумном ритме. Цзян Нина захлестнула такая дикая, оглушительная радость, что он почти закричал:

— Почему ты молчал?! Почему раньше не сказал?!

— Хотел удивления... — На лбу Лу Чжиханя выступили бисеринки пота.

Цзян Нин осторожно усадил его на диван и метнулся на кухню за стаканом тёплой воды.

Переведя дух, Лу Чжихань тихо проговорил:

— Долго стоять я пока не могу. Впереди ещё долгий курс реабилитации и повторные обследования в клинике.

— Обследования? — При этом слове в глазах Цзян Нина, вопреки радости, мелькнула тоскливая тень, словно у щенка, боящегося снова оказаться брошенным.

Лу Чжихань коснулся пальцами его щеки:

— Это ненадолго. Проверим динамику — и всё. Основные упражнения мы сможем делать здесь.
— Его подушечка ласково погладила кожу парня. — К тому же... если ты захочешь, ты поедешь со мной.

Цзян Нин перехватил его ладонь и прижался лицом к горячей коже, накрыв ладонь пылающим поцелуем.

Этот поцелуй пришёл после слишком долгой разлуки. Но, подобно искре, упавшей в сухую

траву, ему требовался лишь лёгкий порыв ветра, чтобы пламя охватило всю степь.

Ресницы Лу Чжиханя вздрогнули. Он сжал пальцы:

— Цзян Нин...

В следующую секунду Цзян Нин навис над ним, зажав между подлокотниками коляски. Горячие, требовательные губы накрыли его рот, покрывая лицо и шею частыми, жадными поцелуями.

Разлука не остудила пыл, она лишь разожгла в нем жажду обладания.

Тонкий аромат орхидеи, приходивший к нему лишь в несбыточных снах, теперь снова принадлежал ему.

В душе Цзян Нина проснулось темное, хищное чувство. Ему было мало. Он хотел большего — как изголодавшийся зверь, которому не загладить голод жалкой подачкой.

Лу Чжихань растерянно попытался оттолкнуть его, но Цзян Нин перехватил его запястья и с силой отвёл в сторону.

У Цзян Нина были крупные, узловатые суставы и четко вырисовывающиеся вены на тыльной стороне ладоней. Когда его мужественные пальцы сплелись с белоснежной кистью Лу Чжиханя, возник резкий, невероятно чувственный контраст.

Цзян Нин, словно заманивающий добычу змей, кольцом обвил его пальцы, ломая слабое сопротивление.

— Почему больше не называешь меня женихом?

Вспомнив давний разговор, Цзян Нин понизил голос до бархатного шёпота.

Это звучало как дразнилка, но на деле было заявлением прав на добычу перед трапезой.

— Президент Лу, неужто решил откреститься?

Его тёмные, глубокие глаза горели недобрым огнем. Ему уже мало было ласкать губы — он проник за преграду зубов, целуя глубоко, истово, с проснувшейся за год зрелой страстью.

Прерывистое дыхание и влажные звуки поцелуев заполнили тишину комнаты.

Чуть отстранившись, Цзян Нин уставился на влажные, алеющие губы Лу Чжиханя и его туманный, расфокусированный взгляд.

Голос парня хрипел, точно через него прогнали песок:

— Пойдем наверх... Я помогу тебе с реабилитацией. А?

Лу Чжихань смотрел на стоящего перед ним юношу. В глубине этих тёмных глаз читалась властная, давящая сила.

Он больше не был тем сломленным, ненавидящим весь мир мальчиком. Он вырос и стал ослепительно ярким.

Его мальчик повзрослел.

Цзян Нин закатил коляску в спальню Лу Чжиханя, зажёл ночник с тёплым янтарным светом и перенёс мужчину на кровать.

Мягкий матрас слегка прогнулся.

Опираясь на локти, Лу Чжихань наблюдал, как Цзян Нин бережно задирает его брюки. В свете лампы взгляд юноши казался особенно пристальным — он всматривался в каждую линию этих ног с почти религиозным трепетом.

Эта нежность была столь весомой, что даже сам Лу Чжихань никогда так внимательно не разглядывал собственное тело.

Мужчина перевёл дыхание и потянулся к одеялу, желая прикрыться.

Но Цзян Нин опередил его — его пальцы обхватили бедро Лу Чжиханя.

Лу Чжихань вздрогнул всем телом.

В глазах Цзян Нина вспыхнул дикий, неудержимый восторг:

— Ты чувствуешь?! Чувствуешь, как я касаюсь тебя?!

—... Да.

Цзян Нин приподнял его ногу. В отличие от прежней безжизненной тяжести, сейчас ощущалось лёгкое, едва уловимое сопротивление мышц.

Парень действовал наугад, повторяя движения врачей-реабилитологов: от стопы к голени, всё выше и выше, не сводя глаз с лица Лу Чжиханя.

Вдруг Лу Чжихань перехватил его запястье:

— Цзян Нин... хватит баловаться...

Лишь сейчас Цзян Нин осознал, насколько двусмысленной и откровенной стала их поза.

Глядя на рдеющие щеки Лу Чжиханя — тот краснел лишь в минуты крайнего смущения, — Цзян Нин услышал внутренний голос: «Сделай ещё шаг».

— Это тоже часть терапии. Повышаем чувствительность.

— Так... не делают.

— Значит, тем более стоит попробовать.

Пальцы Цзян Нина мягко вмялись в белоснежную кожу. На бледных бедрах, похожих на изысканный фарфор, оставались алеющие отпечатки — словно лепестки сливы на чистом снегу, отзывавшейся сладостной, томительной дрожью.

Утихомирился он лишь ближе к полуночи. Уткнувшись носом в плечо Лу Чжиханя, Цзян Нин крепко обнял его и мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

Лу Чжихань осторожно отвёл с его лба влажные тёмные пряди, подтянул одеяло к плечам юноши и погасил ночник.

Комната погрузилась во мрак.

В тишине прозвучал едва слышный шепоток:

— Спокойной ночи, жених.

Цзян Нину снился изумительный сон. Ему казалось, будто он лежит посреди бескрайнего поля цветущих орхидей, дыша их густым, пьянящим ароматом.

Повернувшись на бок, он обо что-то ударился.

Сонно зажмурившись, Цзян Нин открыл глаза и уткнулся взглядом в спящего рядом Лу Чжиханя. Мозг заклинило на несколько секунд.

Когда в памяти всплыли подробности прошедшей ночи, его лицо вспыхнуло так, будто его обдали кипятком. Он пулей выскочил из-под одеяла.

Шум разбудил Лу Чжиханя, спавшего чутко. Он открыл глаза, сонный и трогательно-уязвимый.

— Ещё рано... Поспи ещё, — пробормотал он хриплым спросонья голосом, уткнувшись носом в подушку. Смена часовых поясов давала о себе знать.

Цзян Нин же, привыкший за время подготовки к экзаменам вставать с первыми петухами, был бодр как никогда.

И мысли его были кристально чисты.

Вчера он спал в одной постели с Лу Чжиханем.

Прижимал его к себе, целовал без разбору, наговаривал всяких бесстыдств...

А главное — на этих ногах, к которым никто не смел притронуться, остались его отпечатки пальцев.

Цзян Нин глубоко вдохнул.

Ему хотелось свалить всё на единственную выпитую банку пива, но лгать себе было глупо.

Даже без алкоголя, углядев Лу Чжиханя, он не сумел бы сдержать своего настоящего «я».

Цзян Нин никогда не считал себя святым. Он был вспыльчив, жаден, не склонен к раскаянию и привык брать своё силой.

Его взгляд вновь вернулся к мужчине. То, о чём он мечтал больше всего на свете, теперь лежало под боком — не за дымкой разлуки, а наяву.

Так с какой стати ему скромничать?

Цзян Нин мгновенно нашёл оправдание своим желаниям. Вместо того чтобы слезть с кровати, он нырнул обратно под одеяло и с полным правом загреб Лу Чжиханя за талию, притягивая к себе.

<http://bllate.org/book/19724/1944900>